

дальнейших томов этого ценного издания, которое должно сыграть немалую роль в марксистско-ленинском воспитании, в расширении культурного горизонта и углублении знаний советской интеллигенции.

А. Ранович

Урартские памятники музея Грузии. Издал Г. В. Церетели. Институт языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР. Тбилиси, 1939. Тираж 500 экз. 77 стр. и 32 табл. Цена 40 руб.

В изданиях Грузинского филиала АН СССР вышел в свет давно ожидаемый и крайне необходимый труд «Урартские памятники музея Грузии». Богатое собрание ценнейшего исторического материала, накопившегося в течение длительного ряда лет и сосредоточенного в названном музее, ждало своего исследователя, который приложил бы кропотливый труд для издания этого собрания полностью и таким образом дал бы возможность пользоваться им не только одиночным посетителям первоклассного музейного хранилища, а также и широким кругам специалистов—историков и лингвистов. Такой исследователь нашелся.

Четкость публикации и прекрасно выполненные фототипии делают настоящую работу настольной книгой для каждого, занимающегося языком древнего Вана, и ставят ее в ряд с другим, равным образом прекрасным изданием—«*Coprus inscriptionum Chaldaicarum*», которым наука обязана недавно умершему проф. Леманн-Гаупт, крупнейшему авторитету в этой области.

Издание такого рода исторического материала по первоисточнику и исчерпывающее его комментирование являются несомненной заслугой автора данного труда—Г. В. Церетели. Его работа в значительной степени облегчит дальнейшее освоение языка урартских памятников, дающих древнейшие письменные сведения о нашем Закавказье. Эта работа привлечет к себе внимание как всякого, кто интересуется его древнейшими судьбами, так и специалиста, углубляющегося в изучение современных и древних языков Кавказа и Передней Азии. Будем надеяться, что она послужит примером для ряда других и в итоге даст полную, по оригиналам проверенную серию всех наличных в СССР письменных памятников этого исключительно интересного периода истории народов закавказского Двуречья—периода, почти непосредственно предшествующего государственным образованиям в нем.

В этом направлении и первую очередь хотелось бы видеть такие же издания урартских надписей, хранящихся в музеях Армении, затем, крайне желательна присоединенная к ним новая публикация таких же надписей, сохранившихся *in situ* в различных местностях ССР Армении, и, наконец, сводное издание всех остальных текстов того же периода, найденных и сохраняемых вне границ СССР, но повествующих о походах древнего Вана в бассейны Аракса и Куры. Научные круги лингвистов, а также историки-кавказоведы давно мечтают о подобного рода публикациях, начало которым ныне уже заложено трудом Г. В. Церетели.

Едва ли кто-либо будет оспаривать положительные стороны этого труда. Они ясны каждому, кто будет им пользоваться. Автор не ограничивается одним только воспроизведением текстов. Он в исчерпывающем виде приводит имеющуюся по ним довольно обширную литературу, он полностью овладел ею в тех заданиях, которые он перед собою ставит, подвергает ее критической проверке и, в итоге, не скрывает своих собственных выводов. Таким путем критического просмотра ряда высказываний по отдельным вопросам лексики и грамматики Г. В. Церетели выработал свою основную линию, иногда примыкая к тем или иным заключениям других исследователей, иногда не соглашаясь с ними и оставляя их как спорные, иногда же выдвигая свои собственные новые взгляды, но всегда выступая с вполне обоснованной аргументацией. Принять их или не принять—это дело других ученых, но факт остается фактом: автор последователен, выдержан во всем ходе своей работы. Он знает свой материал, так же как

прекрасно осознает, что изучение урартского языка находится еще в далеко незавершенной своей стадии, что многое в нем продолжает оставаться неясным и что вследствие этого чтение многих мест не поддается еще бесспорному толкованию.

Придерживаясь такой оценки знания и понимания наличного материала, автор в то же время ищет путей к борьбе с этими затруднениями и находит их без колебаний и вполне правильно. Он утверждает, что структура языка древнего Вана не может быть понята без дальнейшего ее изучения с опорой на строй речи кавказских яфетических языков, в том числе, конечно, картвельских, а не на одну только ассирийскую клинопись. Поэтому Г. В. Церетели везде широко использует параллели из картвельских языков.

Основная ошибка западных урартоведов заключается, как это указывает автор, в незнании картвельских, я бы сказал шире—в незнании вообще кавказских яфетических языков, в неучете особенностей их структуры, весьма близкой к строю урартской речи, и в неверном вследствие этого толковании некоторых достаточно ясных форм последней.

Правильность позиций автора нетрудно подкрепить примерами. Я остановлюсь лишь на одном, достаточно ярком и не возбуждающем сомнений. «Западноевропейские лингвисты (да и не только они),—говорит Г. В. Церетели,—считают вернейшим признаком пассивной конструкции картвельских и кавказских языков случаи оформления прямого объекта в именительном падеже. Привыкшие орудовать индоевропейским материалом, они пытаются навязать кавказским языкам грамматические понятия, возникшие на почве изучения языков индоевропейской системы, в корне своем отличных от языков Кавказа» (стр. 15). Действительно, только благодаря знакомству с наличным во многих яфетических языках эргативным построением предложения может быть понято отсутствие в урартском языке винительного падежа¹, что само по себе вовсе еще не обуславливает наличия пассивной конструкции.

Г. В. Церетели стал на совершенно правильный путь интерпретирования урартских текстов. Он с полным основанием утверждает, что только таким способом можно глубже уйти в понимание строя речи древневанских письменных памятников и яснее осветить многие, пока еще не поддающиеся истолкованию, спорные места. А таких мест имеется еще большое количество, и для лингвиста вскрывается в этой области обширное поле деятельности. Даже и с применением норм речи кавказских языков к анализу строя урартского (против чего я никоим образом, конечно, не возражаю,—наоборот, я нахожу именно этот путь закономерным и необходимым) все еще далеко не все места читаются ясно, и далеко еще не все формы безупречно поняты даже и сейчас, даже и после работы самого Г. В. Церетели.

Я остановлюсь на одном примере, который представляется Г. В. Церетели вполне объяснимым. Я имею в виду приводимое им толкование падежного окончания на *-ni*. Автор исходит из того, что в предложении, в котором подлежащее ставится в особом активном падеже, прямое дополнение всегда стоит в именительном, и утверждает, что урартский падеж на *-ni* вполне отвечает именно этим требованиям. Достаточно, по словам Г. В. Церетели, перевести подлежащее в активный падеж, как прямое дополнение окажется уже в именительном. «Это,—говорит автор,—является общим законом для известных нам языков с двумя формами субъекта» (стр. 19)².

Я начну с того, что отмеченное автором правило оформления прямого дополнения представляется и мне настолько точно соблюдаемым в урартском языке, что я еще в 1936 г. полностью применил его к построению урартского предложения с переходным глаголом. Тогда, в 1936 г., я пришел к следующим выводам: в урартском языке «имеется различие строя спряжения в непереходных и переходных глаголах. Первые идут активным строем, последние сохраняют эргативность, причем эргативность сохранилась в халдском во всех временах. Имеется особый эргативный падеж (*-še*), закрепившийся

¹ Ср. также И. И. Мещанинов, Общее языкознание (к проблеме стадильности в развитии слова и предложения), 1940, стр. 253, прим. 2.

² Автор, очевидно, упустил из виду удинский язык, который противоречит этим правилам, о чем см. ниже.

за специальным обозначением действующего лица при эргативном строе. В ином падежном значении этот суффикс не употребляется вовсе. Абсолютный падеж—неоформленный или с суффиксом *-li*, объективный при переходном глаголе (употребляется в значении нашего винительного и дательного), но он же выражает действующее лицо при глаголе непереходном. Объективное значение абсолютного падежа (*-li*) подтверждается наличием того же суффикса (*-li*) в 3-м лице глагола, где он передает объект... В халдском (урартском) языке упомянутая пассивная частица *-li*, используемая и как падежное окончание, выступает в последнем в двух значениях в зависимости от переходности или непереходности глагола. При первых (переходных) она выражает объект, а при вторых (непереходных) оформляет действующее лицо, то-есть в точности удовлетворяет требованиям абсолютного падежа»¹. То же самое установлено и Иог. Фридрихом еще в 1933 г. По его словам, «прямой объект (Akkusativobjekt) по форме совпадает с интранзитивным субъектом и в большинстве случаев не имеет никаких особых падежных окончаний, тогда как наш транзитивный субъект обозначается особым суффиксом»².

Эти выводы совпадают с выводами Г. В. Церетели. Они указывают лишь на то, что безусловно правильная мысль Г. В. Церетели в ее основной концепции вовсе не является новостью, тем более что и Иог. Фридрих вовсе не чуждается параллелей из баскского и современных кавказских языков. Между тем автор обвиняет западных урартоведов и меня в незнании этого языкового явления. Как видно из приведенных цитат, оно было констатировано по меньшей мере еще в 1933 г.

Г. В. Церетели тоже признает, что «аналогия с картвельскими языками должна была бы убедить нас, что эта частица (*-li*) имеет ту же функцию, что и именительный падеж грузинского. Она обслуживает, с одной стороны, субъект непереходного глагола, а с другой—прямой объект переходного глагола» (стр. 19).

Таким образом, пока приходится признать, что в данном случае расхождение между И. Фридрихом, мною и Г. В. Церетели заключается только в том, что Фридрих именует этот падеж «Stammkasus» или «*ni-Kasus*»³, я же называю его «абсолютным», тогда как Г. В. Церетели—«именительным». Но и в этом не будет коренного расхождения, поскольку сам же Г. В. Церетели совершенно правильно отмечает, что во второй группе времен «именительный падеж грузинского языка принципиально отличается от именительного же падежа индоевропейских языков» (стр. 17). Поэтому он и ставит наименование именительного падежа в кавычки. Следовательно, «именительный» падеж эргативного предложения не соответствует именительному падежу номинативного. А если это действительно так и обстоит, то не нужно ли данному падежу дать другое наименование? Так и сделали исследователи тех североазиатских (палеоазиатских) языков, в которых имеется эргативный строй предложения, например в чукотском. В нем В. Г. Богораз выделяет абсолютный падеж, являющийся «подлежащим (субъектом) для глаголов непереходящих и дополнением (объектом) для глаголов переходящих. В последнем случае подлежащее ставится в творительном падеже»⁴.

Существенное расхождение между мною и автором настоящей весьма ценной работы будет не в этом, а в его утверждении, будто бы «такое назначение частицы *-li* выяснено в настоящее время с достаточной убедительностью». Г. В. Церетели находит, что если бы в этом еще существовали какие-либо сомнения, то аналогии с картвельскими языками должны были бы убедить нас, что эта частица имеет ту же функцию, как и именительный падеж грузинского (стр. 19).

Аналогии именно с картвельскими языками, по существу своему совершенно верные, все же наводят меня на некоторые сомнения относительно наличия тут полной аналогии, доходящей до тождества. Дело представляется мне вовсе не столь простым, чтобы, исходя из правильно понятого синтаксического построения, сразу же считать окончательно разрешенным и вопрос о падежном оформлении. Мне кажется, что по-

¹ И. И. Мещанинов, Новое учение о языке, 1936, стр. 215.

² J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, 1933, стр. 19.

³ J. Friedrich, op. cit., стр. 14—16.

⁴ В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык. Сборник «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 18.

скольку не подлежит оспариванию постановка в абсолютном («именительном») падеже прямого дополнения при переходном глаголе и субъекта при непереходном, постольку же многофункциональность самой приставки *-li* вовсе еще окончательно не разъяснена. Как будто и у самого Г. В. Церетели возникают по этому поводу некоторые колебания. Эти колебания выявляются у него не в предисловии, где высказываемые им положения слишком категоричны, а в даваемых им же переводах, то есть там, где он непосредственно соприкасается с самим материалом.

Возьмем несколько таких переводов: № 8—^{izu} Haldini-ni ušmaši-ni ^m Menua-še ^m Ispuiniḡini še... «могуществом бога Халда Менуа сын Ишпуини (дворец построил)». Тут слова, оформленные падежом на *-li*, передаются в русском переводе не именительным падежом, а творительным. Ими не оформляется ни субъект при непереходном глаголе, ни объект при переходном; № 9—^{izu} Haldini-ni ušmaši-ni uštabi ^m Menua-ni ^m Ispuiniḡi «могуществом бога Халда отправился Менуа, сын Ишпуини». Здесь оба имени, бога и царя, стоят в одном и том же падеже, но переводятся в первом случае творительным падежом, а во втором именительным. Последний оказывается субъектом при непереходном глаголе, первый же не является ни субъектом, ни прямым объектом. Правильность его перевода творительным падежом может возбуждать сомнение, но, во всяком случае, это—косвенное дополнение; № 10, 11—^{izu} Haldini-ni alšusi-ni ^m Menua-ni ^m Ispuiniḡi... «Величием бога Халда, Менуа, сын Ишпуини». Тут уже оба имени следуют одно за другим и тем не менее переводятся различными падежами, и т. д. Число подобных примеров с различным использованием падежа на *-li* в различных его значениях, устанавливаемых контекстом фразы, можно привести громадное количество. Думается мне, что во всех этих случаях и других, им подобных, встречающихся к тому же чуть ли не в каждой надписи, нет полной аналогии с грузинским именительным падежом.

Независимо от всего сказанного о функциональных разновидностях падежа на *-li*, полной его аналогии с именительным падежом грузинского языка не может быть также и потому, что в грузинском в первой группе времен (настоящее и производные от него) именительный падеж приобретает все свойства этого падежа номинативного предложения, то-есть вполне соответствует именительному падежу индоевропейских языков. Это—именительный падеж без кавычек, и его свойствами не обладает его эквивалент урартского языка ни в одном времени. В этом отношении урартский язык ближе стоит к чанскому (лазскому). На это указывает и сам Г. В. Церетели, когда говорит об активном падеже (стр. 18), но то же самое нужно сказать и о разбираемом нами «именительном» (абсолютном) падеже в его неформленном виде и с падежным окончанием *-li*. Таким образом, нельзя согласиться с тем, что «эта частица имеет ту же функцию, что и именительный падеж грузинского» (стр. 19).

В итоге всего сказанного приходится прийти к другому выводу, признав, что вопрос о падеже на *-li* вовсе еще не получил окончательного разрешения. Что это именно так, видно хотя бы из того, что сам же Г. В. Церетели устанавливает за падежом на *-li* также и значение аблативного падежа, который, подобно грузинскому *-it*, может иметь в урартском значение собственно аблатива, отвечающего на вопрос «откуда?», а также инструментального, отвечающего на вопрос «чем?» (стр. 60, прим. 3). На этот раз оказалось, что частица *-li* имеет ту же функцию, что и творительный-аблативный грузинского языка.

Возможно, что окончание *-li* представляет собою совпадение по форме генетически различных падежей, но это требует еще своих специальных доказательств и, по-видимому, специальных исследований. Более того, до настоящего времени продолжают еще оставаться невыясненными причины использования урартским языком в одном и том же значении субъекта при непереходном глаголе и объекта при переходном двух различных форм, а именно неформленного падежа и падежа на *-li*, образуемых нередко от одних и тех же основ при их одинаковом использовании в одном и том же предложении (например в Калишинской надписи, строки 26—27).

Вся эта сложность грамматического построения позволила мне сказать, что падеж на *-li* используется также и в значении нашего дательного (для бога Халда, в честь

бога Халда, богу Халду и т. д.). Так ли это, или нет—это и для меня самого еще окончательно далеко не выяснено, но у меня нет сомнения в том, что вопрос об этом падежном окончании продолжает оставаться еще открытым вопреки тому, что утверждает Г. В. Церетели в своем предисловии, но не в своих переводах.

Не следует также забывать того, что один из кавказских языков, удинский, который ни в коем случае не следует оставлять в стороне при сопоставлениях урартского языка с другими, имеет тот же тип эргативного предложения с активным (в данном случае творительным) падежом действующего лица при переходном глаголе и в то же время имеет специальную форму для винительного падежа. Это было установлено еще А. М. Дирром и недавно подтверждено В. Н. Панчвидзе¹.

Некоторые сомнения вызывают у меня и те места уже упомянутого выше предисловия, где говорится о пассивной конструкции урартского предложения. На позициях пассивной конструкции стоит, как известно, и Иог. Фридрих². Г. В. Церетели хотя и правильно возражает против такого определения строя речи по тем данным, которые обычно приводятся, но подходит здесь несколько односторонне, поскольку речь идет вообще о пассивной конструкции урартского предложения, а не о тех доводах, на которые опираются некоторые исследователи, в том числе и Фридрих. Свои доказательства Г. В. Церетели строит на грузинских примерах (стр. 17 сл.), причем не учитывает в достаточной мере того, что в обоих названных языках, при их несомненной близости, все же имеются и свои особенности. Если в грузинском языке эргативный строй активен и если в урартском языке тоже имеется эргативный строй, то из одного этого вовсе еще не следует, что и эргативный строй урартского предложения активен.

По мнению Г. В. Церетели, постановка прямого дополнения в именительном падеже вовсе не свидетельствует о наличии пассивного строя, так как эргативное предложение, в котором прямой объект ставится именно в этом падеже, вовсе не обязательно является пассивным. Я думаю, что с этим согласится каждый кавказовед. Но если Фридрих, только по аналогии со страдательным залогом индоевропейских языков, определял пассивность, исходя из оформления прямого объекта именительным падежом, то и Г. В. Церетели, отрицая пассивность, опирается равным образом исключительно на роль того же падежа в структуре предложения, на этот раз уже эргативного. Он доказывает отличия этого падежа от обычных функций именительного и отмечает особенности эргативного предложения, не являющегося страдательным залогом. Между тем здесь дело не ограничивается только этим.

Не падеж, а структура всего предложения определяет его активность или пассивность. И если Г. В. Церетели с полным основанием возражает против перенесения норм индоевропейских языков на кавказские и доказывает, что именительного падежа, свойственного индоевропейским языкам, нет в языке древнего Вана, то он все же в конце концов исходит из тех же норм индоевропейской речи, делая ударение на страдательный залог. Между ним и пассивным строем проводится знак равенства, откуда и делается вывод: если в эргативном предложении нет страдательного залога, то нет и пассивности. С таким заключением мне крайне трудно согласиться.

Пассивность строя предложения устанавливается не падежами в их внешнем оформлении, а взаимоотношением субъекта, объекта и предиката, их смысловым значением во фразе, внешне выражаемым различными видами грамматических отношений. В частности, абсолютный («именительный») падеж, выражающий при непереходном глаголе субъект состояния (испытывающий на себе действие) и выражающий при переходном глаголе объект действия (тоже испытывающий на себе действие), является, тем самым, падежом пассивным по своему содержанию³. Эргативный же падеж, выражающий

¹ А. М. Дирр, Грамматика удинского языка, 1903 (перепечатана из XXXIII вып. СМОМПК; Н. В. Панчвидзе, К вопросу о склонении имен в удинском языке, ИЯИМК Груз. ФАН СССР, 1937, стр. 123 сл.

² J. F r i e d r i c h, op. cit., стр. 19.

³ См. С. Л. Быховская, Пассивная конструкция в яфетических языках. Сборник «Язык и мышление», II, 1934, стр. 67.

действующее лицо при переходном глаголе, в том случае, когда он имеет свое специально ему присущее оформление (как в картвельских языках и урартском), оказывается явно активным (активный падеж). Но наличие их обоих в одном и том же предложении все же не решает вопроса об активности или пассивности всего строя предложения. Решающим тут является связь их с глаголом.

В картвельских языках глагол эргативного строя предложения согласуется личным окончанием с именем, стоящим в активном падеже, объект же, поставленный в «имеительном» (абсолютном) падеже, с глаголом в лице не согласуется и занимает в предложении позицию прямого дополнения, а не подлежащего. Следовательно, в грузинском языке мы имеем активное построение предложения с глаголом в аористной группе времен, а в лазском (чанском) также и в первой группе времен (настоящее и прошедшее несовершенное). Зная эту особенность картвельских языков, Г. В. Церетели, по аналогии, перенес ее и на язык древнего Вана.

Здесь нельзя ограничиваться одной только аналогией. Требуется, кроме того, и специальный анализ строя самого урартского языка. Я не беру на себя смелости категорического опровержения выводов автора данной работы. Я призываю лишь к некоторой осторожности. Дело в том, что утверждения Гёце об особом своеобразии урартского переходного глагола, который своими личными окончаниями *-bi*, *-ni*, *-li* выражает объект, а не субъект действия, вовсе нельзя считать, во всем их объеме, абсолютно неправильными. Во всяком случае нет сомнения в том, что при третьем действующем лице глагол своими окончаниями *ni* и *li* вовсе его не выражает, а согласуется исключительно с объектом.

Согласование в 3-м лице совершенно ясно:

1. ^m Menuaše ^m Išpuiniḫiniše ini EKALLU šidištu-ni «Менца, сын Ишпуини, этот дворец соорудил» (Corpus 59, строки 2—3). Действующее лицо стоит в единств. числе, объект в единств., глагол оканчивается на *-ni*;

2. ^m Menuaše ^m Išpuiniḫiniše... ^{lu} Ḫaldini-li BABU šidištu-ali EKALLU šidištu-ni... «Менуа сын Ишпуини... халдовы ворота воздвиг, дворец соорудил» (Corpus 56, строки 3—4, 6—8). Действующее лицо одно, объект же в первом случае стоит во множественном числе, и при нем глагол оканчивается на *-ali*, а во втором — стоит в единственном числе при глаголе с окончанием на *-ni*;

3. ^m Išpuiniše ^{mlu} Sardurieḫiniše ^m Menuaše ^m Išpuiniḫiniše ^{lu} Ḫaldiei susi šidištu-ni... «Ишпуин, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, бога Халда susi соорудили» (Corpus 16, строки 1—2). Два действующих лица соорудили один объект, глагол оканчивается на *-ni*.

Здесь отражение в предикате объекта, и только его, не дает активного построения. Положение не столь ясно в 1-м лице субъекта того же переходного глагола. Прежде всего бросается в глаза совпадение его показателя *-bi* с показателем 3-го лица непереходного глагола, то-есть пассивного показателя глаголов состояния¹. Едва ли это совпадение случайно, тем более, что во множественном числе 3-го лица непереходного глагола мы имеем то же окончание *-li* (*-ali*), что и в глаголах переходных при множественном числе объекта, следовательно равным образом пассивное:

1. ^m Menuaše ale nuna-bi ^m Erikuahḫi MATU-ni... «Менуа говорит: пришла Ерикуахи страна» (Corpus 21, строки 7—8). Один субъект, непереходный глагол оканчивается на *-bi*.

2. ^{alu} Ardinidi nuna-ali ^m Išpuinini ^{mlu} Sardureḫe ^m Menua ^m Išpuiniḫe... «в город Ардин (Мусасир) пришли Ишпуин, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини» (Corpus 12, строки 26—27). Два субъекта, непереходный глагол оканчивается на *-ali*.

3. Ср. то же положение в 1-м лице переходного глагола в части отражения в нем объекта: *šidištu-bi* «я выстроил его»; *šidištu -(a)li* «я выстроил их», если последний пример правильно приводится Фридрихом².

¹ Чтобы не загружать изложения настоящей статьи, я предлагаю более детальную проработку этого вопроса перенести в другое исследование, специально посвященное данной, весьма сложной проблеме.

² J. Friedrich, op. cit. стр. 7.

Учитывая приведенные выше сопоставления внутри урартского материала, можно прийти к предположению о том, что построение урартского предложения с переходным глаголом не будет полностью соответствовать всем особенностям картвельских языков, несмотря на весьма близкие к ним аналогии и несмотря на несомненно наличный в последних активный строй переходного глагола.

В том случае, если подтвердится пока лишь в общих чертах проведенный анализ урартских непереходных и переходных глаголов в 1-м и 3-м лицах един. и множ. чисел, то окажется вполне возможным, что имеющиеся в переходном глаголе урартского языка личные окончания будут выразителями объекта, а в таком случае все построение предложения, рассматриваемое со стороны взаимоотношений субъекта, объекта и предиката, окажется на этот раз пассивным. Все это еще окончательно не проработано, поэтому я не спешу с выводами в ту или иную сторону, но в то же время считаю себя вправе полагать, что и Г. В. Церетели высказал свое мнение слишком решительно.

Впрочем, должен оговориться: автор прекрасно учитывает и наличие многих еще темных мест, остающихся до сих пор в интерпретации урартских текстов. Его приведенные выше высказывания, которые я позволил себе признать в известной степени преждевременными, касаются только общих структурных определений. Я имею здесь в виду лишь те суждения Г. В. Церетели, в которых он с полным к тому основанием уверенно идет по пути сближения урартского языка с кавказскими, в том числе с картвельскими, но в то же время, как кажется мне, доводит это необходимое сближение до отождествления. Тем самым ослабляется внимание к специфику урартской речи в ущерб не только ее пониманию, но и правильности применения весьма убедительных аналогий.

Автор настоящей работы подходит к чтению текстов во всеоружии. Он подвергает детальному разбору все, что представляется ему сомнительным, и проявляет в данном случае достаточную осторожность, высказывая мнения, с которыми другим исследователям придется считаться. Так например, не могу не согласиться с возникшими у Г. В. Церетели сомнениями в правильности перевода слова *baduse* (стр. 37, прим. 2 и стр. 41, прим. 2). Обычно оно понимается как выражение обветшалости или разрушенности. Автор с полным основанием усматривает в этом слове другое значение и условно останавливается на переводе «предназначенный для обитания, для жительства», связывая его с глаголом *šidištuni*, которому придается значение «вновь выстроил» а не «возобновил»¹. Подобного же рода сомнения возникли и у меня, когда я в 1932 г. задержался на анализе данного термина при чтении колагранской надписи. Я полагал тогда, что «в этом слове (*baduse*) можно установить наличие вспомогательной частицы *si*, наличной в *alu-si*, *pulu-si* и т. д. Остающуюся часть можно понять как сочетание префикса превосходной степени *ba-* (ср. *ba-ušini*—величайший) и основы глагола *-du* „класть, полагать, строить“». Впрочем, я тогда же оговаривался, что «на такой этимологии данного термина я вовсе не настаиваю, хотя все же перевод „величественный“, „обширный“ мне представляется более обоснованным, чем обычный „разрушенный“»².

При чтении урартских надписей остается еще много неясного не только в установлении синтаксических особенностей. Значительные затруднения представляет также и лексический состав. Эти затруднения полностью учитывает и Г. В. Церетели, не без основания признающий этимологию за «самую деликатную область в языкознании вообще» (стр. 14). Поэтому я не могу не приветствовать значительной осмотрительности автора в даваемых им переводах. Некоторые спорные места ему пришлось даже оставить без всякой интерпретации. Тем самым автор повышает доверие к себе, и те надписи, которым дается перевод, могут быть без всяких колебаний использованы лингвистом и историком, интересующимся стилем надписей, строем излагаемой в них речи и содержащимися в них историческими сведениями.

¹ Ср. J. Friedrich, op. cit., стр. 33; Его же статья в «Archiv Orientalni», IV, 1932, стр. 61; A. Goetze, Indefinites and Negations, Prohibitive and Imperative in the Urartean Language, RHA, 1936, стр. 183 и др.

² И. И. Мещанинов, Колагранская надпись, ИАН, 1932, стр. 85.

Такое внимательное отношение к публикуемому материалу вовсе не помешало дать перевод даже и там, где правильное понимание текста несколько колеблется. В этих случаях Г. В. Церетели приводит исчерпывающее объяснение причин, вынуждающих его примкнуть к тому или иному толкованию сложного повествования. Местами даются автором также и новые попытки чтения. В их числе следует упомянуть анализ названия страны Удуритини в Атаханской надписи (№ 21). Автор допускает возможность выделения конечного *-tini* в самостоятельное слово и чтение названия страны «Удурие» (Удури или Удуре); *tini*, в этом случае, может быть понято как существительное «имя, название», входящее в состав более сложного построения, означающего «страна Удуре имя (ее)». Основанием к этому служат нередко встречающиеся в надписях достаточно ясные сочетания типа ^m Menuai pili tini «Менуи канал имя (его)»: «Менуа, сын Ишпуии, этот канал провел, Менуи канал имя (его)» (Согрус 34—52).

Я позволю себе несколько подробнее остановиться на этом новом чтении данного топонимического термина, так как им затрагивается одно из древнейших имен страны, достаточно ясно локализуемой районами Севанского озера. Тут мы имеем древнее название области, лежавшей в нынешних пределах Армении и, повидимому, Азербайджана. Тем самым новое чтение приобретает для нас немаловажное историческое значение.

Атамханская надпись, в которой упоминается только что названная страна, была найдена на скале около селения Атамхан на юго-западном берегу Севанского озера. Восточнее ее, на южном берегу того же озера, сохранилась колагранская надпись, в которой на строках 4—5 говорится о покорении четырех царей приозерных стран Аркукини, Луерихи, Великухи и Адахуии. Можно предполагать, что о них же упоминается на правой узкой стороне Сардуровской стелы (Согрус 132 А, строки 47—53), где повествуется о покорении четырех царей страны Уедури-Этиуни, в числе которых значатся цари стран Аркукини и Луеруни. Отсюда можно было бы прийти не столько к выводу, сколько к предположению, что в упомянутых двух надписях (колагранской и сардуровской) говорится об одних и тех же четырех царствах, объединенных общим именем приозерной страны Удурие-Этиуни или Уедури-Этиуни, граничащей с берегами Севанского озера, в частности и с теми, где расположено селение Атамхан.

В числе четырех царств, обозначенных в колагранской надписи, имеется страна Великухи. Сама колагранская надпись находится на юге Севанского озера, местонахождение же страны Великухи точно фиксируется районом Норбаязета, где найдена надпись с этим именем (Норбаязетская надпись). Следовательно, эти четыре царства Уедури-Этиуни тянулись по крайней мере с середины западного берега озера, где расположен Норбаязет, и на юг до Колагран. Как раз между ними и расположено селение Атамхан, что и дает основание к сопоставлению начертанного на его надписи имени Удуритини с обозначенным в сардуровских летописях Уедуриетиуни, как конгломерата тех же четырех царств со страной Аркукини включительно¹.

Отсюда и делалось мною сличение обоих названий с выводами о том, что атамханское Удуритини является разиочтением сардуровского Уедури-Этиуни. Под именем Этиуни обычно, и не без основания, понимается громадная область центральной части Армении от Арпачая до Севанских гор. Примыкающий к ней приозерный район Гокчи (Севанского озера) и местности далее на восток, судя по только что упомянутым надписям, носили наименование Уедури-Этиуни, в котором легко усмотреть Удинские районы, причисляемые урартскими завоевателями к тем же обширным Этиунским областям.

Все только что сказанное отнюдь не устраняет допустимости и другого толкования в чтении имени Удуритини Атамханской надписи, согласно которому последнее не является разиочтением наличного в сардуровских летописях названия стран Уедури-Этиуни. Высказанное Г. В. Церетели в примечании на стр. 60 предположение о выделе-

¹ О покорении страны Аркукини говорится в надписи у селения Захалу, расположенного на южном берегу Севанского озера, еще дальше на восток от селения Колагран. Поэтому я и предполагал, что страны Уедури-Этиуни, огибая западное побережье озера, простирались на восток в районы Азербайджана. См. мою статью «Восточное Закавказье времен халдских завоеваний», ВДИ, 1937, № 1, стр. 73—77.

нии слова *tini* на самостоятельную позицию уточняет наименование самой страны, а именно «Удури», что ничуть не противоречит всему сказанному выше относительно связи названных четырех царств с Удинскими областями страны Этиуни. Наоборот, намечаемый вариант чтения идет по той же линии.

Страна могла носить имя «Удуре»: *ma^u Udurie tini* «страна Удуре имя (ее)». Эту же страну завоеватели с юга могли считать частью обширной области Этиуни: *ma^u Ueduri-Etiuni*. Таким образом, приведенный анализ Г. В. Церетели представляется мне заслуживающим полного внимания настолько, что его следовало бы перенести из примечания в текст, тем более, что страна Этиуни была слишком хорошо известна урартам и потому едва ли писец, находившийся к тому же на месте, в ее районах, мог дать ей такое необычное начертание, какое мы видим в Атамханской надписи.

Не могу не отметить равным образом очень остроумных и весьма убедительных выводов о необходимости объединения в единый текст отдельных фрагментов надписей № 15, 16, 17 (ст. 49—52, табл. XXV). Эти надписи, возбуждавшие у меня большие сомнения особенностью написания всего текста и некоторых знаков, в настоящее время, после весьма детального исследования Г. В. Церетели, получают свое более точное место в общем собрании урартских памятников. Во-первых, что наиболее важно, теперь уже ослабляются сомнения в подлинности данных фрагментов, каковые, в связи со значительным своеобразием текста, как в манере его написания, так и в сочетании и начертании знаков, могли невольно возникнуть (ср. надпись № 23 табл. XXIX и XXX, которая признается подложной, см. стр. 61). Во-вторых, самый текст, все же местами очень дефектный, дает тем не менее плавное изложение. И наконец, что мне лично представляется наиболее существенным, указанные надписи № 15, 16, 17, так же как и надпись № 14, вовсе не поддаются переводу (ср. табл. XVI и XXV).

После их сопоставления, что стало возможным лишь в результате проведенной Г. В. Церетели работы, ясно выступает хотя и близкое, но все же необычное для урартского языка построение грамматических форм и слов. Благодаря всему сказанному, еще более убедительным выступает предположение о том, что в данном тексте указанных четырех фрагментов мы имеем не обычный урартский язык повествовательных царских текстов, а какой-либо иной племенной язык или диалект, отступающий от обычно принятого урартского стандарта и в манере письма, и в оборотах речи, и в построении фраз и слов. Здесь как будто бы и сам писец принадлежит к другой школе. Это—не письмо, характерное для придворного графиста, выработавшего свою манеру начертания клинописных знаков, манеру, державшуюся веками и выработавшую свой специфический отпечаток, наложенный на заимствованное ассирийское письмо¹.

В параллель к надписям № 15, 16, 17 можно было бы, с известными оговорками, привести опубликованную М. В. Никольским эриванскую надпись², начертанную обычной урартской клинописью, но не поддающуюся точному переводу благодаря необычным грамматическим оборотам, до некоторой степени напоминающим те, о которых говорится в публикациях Г. В. Церетели. Если эти надписи и не представляют собою тождества по строю речи, то все же, как мне кажется, они в равной степени отходят от шаблона общепринятого образца, давая новый материал для постановки нового вопроса о диалектальных разновидностях языка древнего Вана. Вопрос весьма существенный и интересный.

В заключение позволю себе сделать несколько более частных замечаний. Так, автор, обследовав памятники Музея Грузии, устанавливает, что опубликованные в 1931 г. в Докладах АН надписи на базах колонн из собрания фотографий и эстампажей Б. Н. Шаховского далеко не все представляют собою свежий материал и были частично уже воспроизведены в других изданиях (стр. 34, прим. 1). Констатация этого

¹ Все же тут не тот тип двуязычия, который прослеживается по надписи Мхер Капуси (Corpus 18, строки 1—31 и 32—94), см. И. И. Мещанинов, Два языка древнего Вана, в сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, 1934, стр. 359—366; Ег о ж е, Язык ванской клинописи, II, 1935, стр. 106 сл.

² М. В. Никольский, Новооткрытая в Эриванской губернии клинообразная надпись, ИАН, 37, 1910, стр. 1—XIII, табл. 1.

факта ничего нового для меня не представляет. Об этом было известно еще в 1931 г., когда я приступил к публикации не одиночных экземпляров, а всех этих надписей, преследуя цель «полностью использовать собрание Б. Н. Шаховского в этой части содержимого в нем материала, состоящего из прекрасно выполненных эстампажей»¹.

Собрание урартских памятников Музея Грузии лишь недавно приведено в полный порядок и сделалось доступным для научного изучения. В связи с этим в 1931 г. у меня возникла мысль издать собрание Б. Н. Шаховского полностью, поскольку в нем имелись эстампажи еще не опубликованных или дефектно опубликованных текстов, что и подтвердилось впоследствии (надписи 3, 9, 10—11). Для начала я выделил базы колонн. То, что имело смысл в 1931 г., в настоящее время, конечно, уже утрачивает актуальное значение.

Кстати, не могу не заметить, что перевод идеограммы ВІТU словом «дом», как это предлагает также и Йог. Фридрих², не вполне отвечает стилю строительных надписей, в которых имеются в виду не просто «дома» со слишком широким значением данного термина, а более сложные и видные здания с колоннами, во всяком случае сооружения дворцового или культового назначения, скорее всего последние (ВІТU-aši). Несколько смущает меня также предположение Г. В. Церетели о том, что базы колонн впоследствии были использованы в качестве посуды (стр. 40). Я не думаю, чтобы таковою могли служить каменные глыбы диаметром чуть ли не в один метр. Некоторые из этих баз, весьма вероятно, получили позже и хозяйственное назначение, но все же не посуды.

К большому сожалению, придется сделать несколько замечаний о системе копирования надписей. Не могу сказать, что все соответствующие таблицы выполнены безукоризненно. При воспроизведении текста от руки принято по возможности точно копировать знаки. Это не только не соблюдено, но местами знаки начертаны в такой форме, которая режет глаза всякому, кто привык работать над подлинником. Например, знак і неоднократно написан со спущенными вниз первыми двумя клиньями, что не соответствует обычной, достаточно четкой урартской графике, в которой первые два клина обычно приурочиваются к промежуточным местам между тремя следующими (см. табл. IV, VII). Знак še на строке 7 надписи № 13 (таблица VIII) недописан, хотя в подлиннике (см. табл. XXIV) он вычерчен полностью. У знака ši в надписи 14 (табл. VI, строка 1) первый клин представлен удлинено, чего нет в подлиннике (табл. XVI). Знак lu на строке 18 таблицы V (надписи 10—11) начертан крайне небрежно (ср. верхний горизонтальный клин). На таблице V (надпись 12) нумерация строк спутана (опущен номер шестой строки). На странице 62 знак še, совершенно правильный в оригинале надписи, считающейся подложной (табл. XXIX), повторен в воспроизведении в совершенно искаженном виде, к тому же и все клише выполнено крайне небрежно, вопреки четкому начертанию в самой надписи. На таблице IX, где повторена та же надпись № 23, во второй строке детерминатив лица представлен в виде знака те, повидимому благодаря наличию в оригинале выемки, и т. д.

Не могу не пожалеть и о том, что Г. В. Церетели не отмечает у каждой издаваемой им надписи соответствий по Corpus inscriptionum Chaldaicarum, что значительно облегчило бы пользование обоими трудами.

Все эти досадные недочеты, которых не хотелось бы видеть в таком хорошем издании, ничуть не умаляют других его положительных сторон, в особенности самого факта полного издания богатейшей урартской коллекции Музея Грузии, издания, которым с успехом воспользуются лингвист и историк.

Акад. И. Мещанинов

¹ И. И. Мещанинов, Халдские надписи на базах колонн собрания Б. Н. Шаховского, ДАН, 1931, стр. 30.

² J. Friedrich, Zum urartäischen Lexikon, «Archiv Orientalni», IV, № 1, 1932, стр. 56.